В настоящей статье я коснусь лишь одного вопроса общей проблемы связи древнего и нового периодов истории славянских литератур. Применительно к русской литературе еще в 1940 г. был поставлен вопрос: «в чем заключается действительная связь между XVIII веком и „старой" литературой».[1] А. И. Белецкий в очерке «На рубеже новой литературной эпохи» весьма обстоятельно показал, что черты нового периода русской литературы, обычно признаваемые для него особо характерными (западное влияние, стихотворство, театр, новшества в повествовательной литературе), отчетливо проявились уже в XVII в. А. И. Белецкий прав в своем утверждении, что «было бы трудно даже приблизительно определить объем и содержание материала древней литературы, продолжавшего удовлетворять, главным образом, запросы „среднего слоя" — от мелкопоместных дворян до грамотных „хлебопашцев" включительно».[2] На широкое распространение в XVIII в. «памятников древнерусской литературы, и притом в самых различных читательских кругах», указывает и К. В. Пигарев во введении к новейшему обзору литературы XVIII в.[3] Однако от раскрытия более глубоких связей между древним и новым периодами русской литературы отказались обе академические истории литературы. К. В. Пигарев подчеркнул лишь их отличия: «Бросаются в глаза резкие внешние и внутренние различия между литературой XI—XVII веков и литературой новой, обусловленные теми большими экономическими и социально-политическими сдвигами, которые происходят в конце XVII—начале XVIII века в русской истории».[4] Признавая в полной мере наличие существенной разницы между древней и новой литературой, мы не вправе отказываться и от поисков таких общих тенденций, которые связывают оба периода. Эти поиски в конечном итоге помогут выявлению таких черт русского литературного процесса, которые характеризуют его национальное своеобразие.[5]

В настоящей статье я коснусь вопроса о том, какие литературные явления древней русской литературы в исторической перспективе могут рассматриваться как предшественники классической гражданской поэзии XVIII в.

Характеризуя национальное своеобразие русского классицизма XVIII в., К. В. Пигарев отмечает в нем «повышенный гражданско-патриотический пафос, связанный с общими просветительскими тенденциями... и выражающийся по преимуществу в обращении к национальной тематике, к сюжетам, почерпнутым из национальной истории».[6] Г. П. Макогоненко подчеркивает те стороны передовой поэзии XVIII в., которые определяют «их неумирающую притягательную силу»: «Страстная любовь к родине и вера в человека, в будущее России, поэтическое могущество в раскрытии русской северной природы, ясный взгляд на мир ума русского, воинствующая гражданственность и вольнолюбие».[7] Особо ярко «гражданско-патриотический пафос», «воинственная гражданственность» проявились

---

[1] История русской литературы, т. III. М.—Л., 1941, стр. 4.
[2] Там же, стр. 22.
[3] История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., 1958, стр. 381.
[4] Там же, стр. 382.
[5] О плодотворности работы в этом направлении свидетельствует, например, первая из статей Б. И. Бурсова, посвященных теме «О национальном своеобразии и мировом значении русской классической литературы» (Русская литература. Л., 1958, № 1, стр. 23—33).
[6] История русской литературы в трех томах, т. 1, стр. 412.
[7] Г. П. Макогоненко. Русская поэзия XVIII века. — В кн.: Поэты XVIII века. I. Библиотека поэта. Малая серия, издание третье. Л., 1958 (далее: Поэты XVIII века), стр. 5.